

Годъ изданія пятый.

СЕНТЯБРЬ.

№ 21.

1912.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

„ДИКАРЬ“.
РАННЕЕ УТРО.
ОДНИ (повѣсть).
ВЪ ПОЛѢ.
КАКЪ ВЪ СКАЗКѢ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Восточныя шашки (игра).

REVUE DE LA LITTÉRATURE

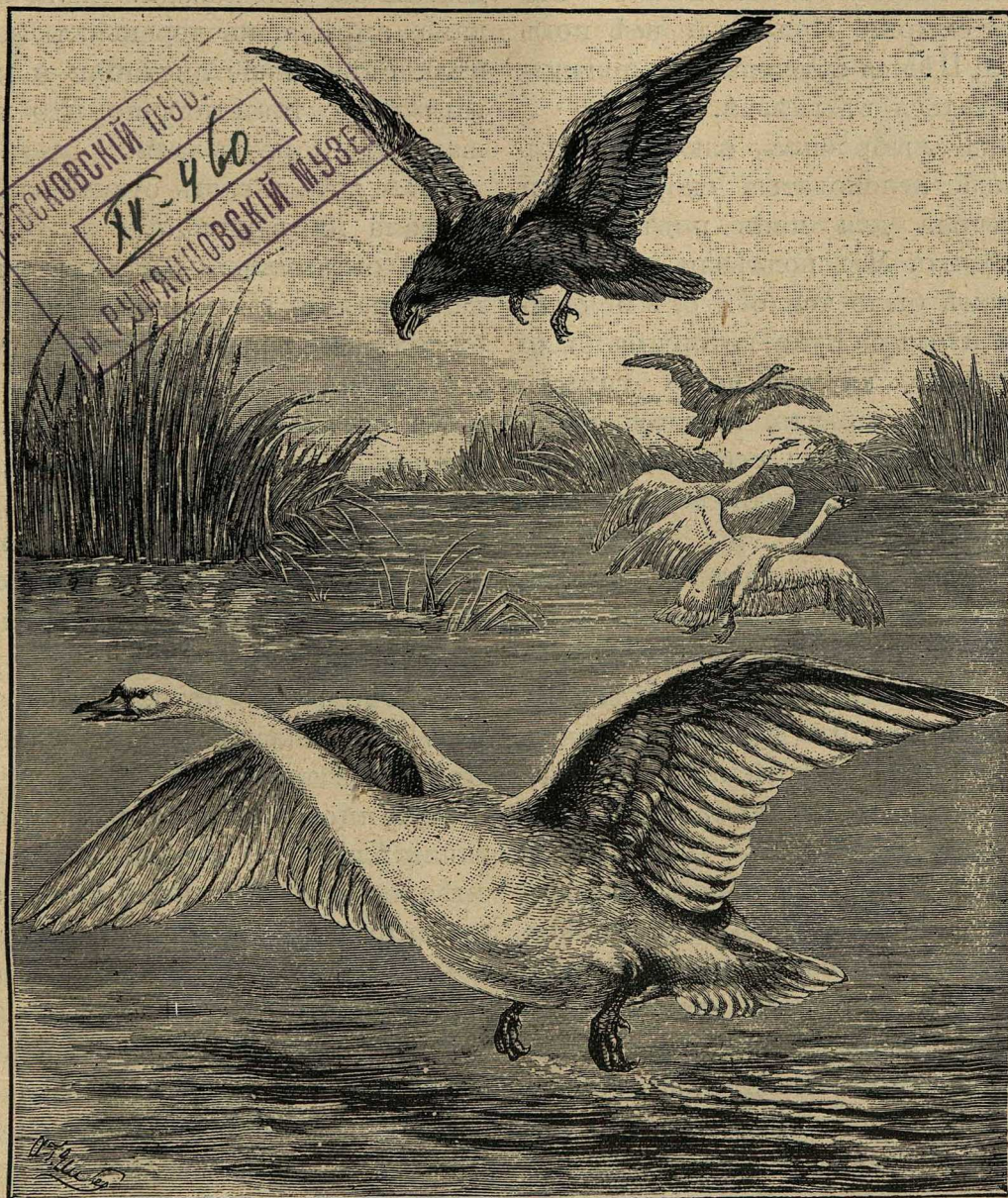
REVUE DE LA LITTÉRATURE

REVUE DE LA LITTÉRATURE

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Бѣдняжки! Они уже не могли подняться подь самыя облака...

ДИКАРЬ.

— Подождите, подождите! сказала намъ мать, какъ только мы появились на свѣтъ Божій. Сидите смирно! Подлѣзьте всѣ подъ меня! Цѣлыя сутки вы еще должны оставаться въ гнѣздѣ.

Она выбросила клювомъ изъ гнѣзда зеленоватыя скорлупки и очистила для насъ подъ собою мѣстечко. Мы подлѣзли подъ нее и намъ было тепло и отъ нея самой и отъ ея пуха, которымъ было выстлано внутри наше гнѣздо. Видно было, что, ожидая насъ, она не пожалѣла себя и нарвала его изъ своей груди какъ можно больше.

— Воображаю, какъ будетъ доволенъ завтра вашъ отецъ! продолжала она.—Бѣдный, онъ цѣлые 28 дней, пока я сидѣла на яйцахъ, бродить по двору одинъ и скучаетъ! Вы увидите, какъ онъ отъ радости будетъ завтра танцевать!..

Насъ было семь маленькихъ гусенятъ. Мы только что появились на свѣтъ. Сквозь щели сарайчика, въ углу котораго помѣщалось наше гнѣздо, къ намъ проникали лучи солнца, слышалось сбоку мычаніе коровъ и кудахтанье куръ и все это казалось намъ новымъ и интереснымъ. Мы съ трудомъ дождались слѣдующаго утра, когда

наконецъ мать вывела насъ на дворъ. Она шла впереди, мы слѣдовали за нею позади. Была середина апрѣля, на деревьяхъ зеленѣли свѣженькіе листочки и кругомъ было такъ хорошо, что лучшаго мы и не желали.

— А вотъ и вашъ отецъ! вдругъ указала намъ мать.

Мы оглянулись. Вытянувъ шею, какъ палку, къ намъ на встрѣчу бѣжалъ большой красивый гусь, хотя и не такой красивый, какъ наша мать. Самки у гусей всегда красивѣе самцовъ. Добѣжавъ до насъ, онъ ласково поглядѣлъ на насъ, а затѣмъ, поднявъ шею кверху, сталъ топтаться на одномъ мѣстѣ своими красными перепончатыми лапами.

— Смотрите, дѣти, какъ онъ радъ! обратилась къ намъ мать.— Какъ онъ танцуетъ!

Натанцевавшись вдоволь, отецъ зашипѣлъ по сторонамъ, какъ змѣя, и этимъ далъ намъ знать, что принимаетъ насъ подъ свою защиту.

— Ну, а теперь пойдѣте къ водѣ! сказала мать.

И мы послѣдовали въ томъ же порядкѣ: впереди мать, затѣмъ мы семеро и наконецъ нашъ отецъ. Придя къ пруду, мы застали тамъ на берегу еще двѣ семьи гусей и присоединились къ нимъ.

— Не бойтесь, не бойтесь! обратился къ намъ отецъ. — Всѣмъ вмѣстѣ будетъ веселѣе!

Мы, молодежь, тотчасъ-же соединились всѣ вмѣстѣ и бросились въ воду. Бракъ у насъ заключается гусакомъ и гусыней однажды на всю ихъ жизнь, но семьи всегда общія, и теперь мы всѣ перемѣшались вмѣстѣ и скоро перестали разбирать, кто наша мать и кто нашъ отецъ. Мы плавали по пруду тѣсной кучкой, впереди насъ слѣдовали наши матери, а позади отцы, и подѣ ихъ защитой мы хватали все, что попадалось намъ на пути, и набивали себѣ зобы. Это были ряска, молодыя водоросли, лягушиныя яйца и все то, что обыкновенно падаетъ на поверхности и у окраинъ прудовъ. Наплававшись вдоволь, мы выходили на берегъ, грѣлись на солнышкѣ, а затѣмъ опять шли въ воду. И все время, пока мы плавали или сидѣли на берегу, наши отцы зорко оглядывались по сторонамъ. Едва только они замѣчали что-нибудь подозрительное, какъ тотчасъ-же предостерегали насъ особымъ крикомъ и мы тѣснѣе прижимались одинъ къ другому и старались держаться поближе къ нашимъ матерямъ. Когда-же мимо насъ проходилъ человѣкъ или пробѣгала собака, то наши отцы бросались на нихъ съ громкимъ змѣинымъ шипѣньемъ и старались ихъ больно ущип-

нуть. Только поздно вечеромъ мы вернулись всѣ домой.

— Пора, пора, пора! заготовили наши матери. — Завтра надо будетъ рано вставать!

Мы отправились цѣлой компаніей домой. Къ намъ навстрѣчу вышла птичница и длинной хворостиной погнала насъ къ сараю.

— Кши, кши, кши! говорила она и стала насъ считать: одинъ, два, три, четыре... И сосчитавъ насъ всѣхъ, она вдругъ обратила вниманіе на меня и сказала: — Вотъ странное дѣло! Всѣ гусенятки желтенькіе, а этотъ какой-то сѣрый.

И вдругъ вспомнивъ о чемъ-то, она продолжала: — Ахъ, да! Онъ изъ того яйца, которое баринъ принесъ съ охоты! Это дикій гусенокъ! Баринъ весною нашель въ болотѣ яйцо дикаго гуся и принесъ его домой. Мы и положили его подѣ нашу гусыню! Вотъ и вывелся изъ него дикарь!

Для меня было странно, что меня называли дикаремъ, но вскорѣ я позабылъ объ этомъ, да, признаюсь, мнѣ было и не до того: мнѣ очень хотѣлось спать; когда птичница загнала насъ въ сарай, то мы всѣ юркнули подѣ нашихъ матерей и заснули. Всю ночь наши отцы оставались около насъ, оберегали насъ и мы слышали сквозь сонъ, какъ, замѣтивъ въ темнотѣ крысу или мышъ, они тотчасъ-же пробуждались и предо-

стерегали нашихъ матерей: — „Го-го-го-го!“.

Рано утромъ мы опять отправились на воду, плавали, питались травкой, водорослями и лягушиной икрой и отдыхали на берегу, а вечеромъ возвращались въ усадьбу и ночевали въ сараѣ. Такъ стало повторяться каждый день. Двѣ недѣли спустя, на насъ сталъ появляться первый постоянный пушокъ. Мы подросли и окрѣпли уже настолько, что на крылышкахъ у насъ едва-едва стали виднѣться первые признаки перьевъ.

— Ну-съ, сказала намъ одна изъ нашихъ матерей, — теперь можно и на поле! Вы уже достаточно подросли и теперь можете уже питаться и травой!

И каждое утро, едва только птичница отворяла намъ нашъ сарай, какъ мы длинной гирляндой, все въ томъ-же порядкѣ, шли уже не на прудъ, а на лугъ, и тамъ цѣлый день щипали траву. Мы — птицы травоядные и поэтому для насъ всегда былъ обезпеченъ обильный кормъ. Набивши имъ зобы, мы отправлялись къ водѣ. Тамъ мы плавали, ныряли и каждый разъ, глядя на свое отраженіе въ водѣ я замѣчалъ, что я становился все крупнѣе и что не пройдетъ еще и двухъ мѣсяцевъ, какъ я стану уже совсѣмъ взрослымъ, красивымъ гусемъ. Но меня удивляло то, что въ то время,

какъ всѣ гуси были чисто бѣлые, только я одинъ среди нихъ былъ сплошь сѣрымъ и мнѣ не разъ приходило на умъ то прозвище, которое въ первый вечеръ дала мнѣ птичница: — Дикарь!

И по мѣрѣ того, какъ я росъ, какое-то странное, необъяснимое для меня чувство вдругъ овладѣвало всѣмъ моимъ существомъ. Мнѣ хотѣлось летѣть куда-то далеко, въ невѣдомые края, туда, гдѣ на горизонтѣ синѣли далекіе лѣса, или подняться далеко-далеко къ облакамъ и поглядѣть оттуда на землю. Но меня не понимали ни мать, ни отецъ, а мои братья и сестры были довольны тѣмъ, что ѣли траву и плавали по пруду. Я смирялся и мечталъ наединѣ.

Прошелъ іюль, прошелъ августъ и мы выросли уже такими-же, какъ и наши отцы. Какъ и прежде, мы каждое утро длинной вереницей отправлялись въ поле и только вечеромъ такою-же вереницей возвращались къ себѣ въ сарай. Старшій изъ отцовъ теперь уже былъ нашимъ вожакомъ, за нимъ слѣдовали одинъ за другимъ остальные старики, а позади нихъ — шествовали мы, молодежь. Всѣ были сплошь бѣлые и только я одинъ былъ сѣрымъ и нарушалъ своимъ опереніемъ эту удивительную красоту. Стройные, гладенькіе, съ длинными изящными шеями, мои родичи сверкали на солнцѣ своей бѣлизной и тончайшій слой жира,

покрывавшій ихъ перья, что бы они не смачивались въ водѣ, придавалъ имъ какой-то особенный серебристый блескъ.

„Ну, можетъ-ли быть что-нибудь болѣе красивое, чѣмъ гусь?“ думалъ я, глядя на нихъ, и мое сердце наполнялось гордостью и за себя, и за моихъ друзей.

Наступилъ сентябрь. Начались утренніе заморозки, задулъ вѣтеръ, зашумѣли деревья и желтые листья съ печальнымъ шумомъ стали сваливаться на землю. Далеко подъ облаками пролетали станицы журавлей и ихъ жалобное курлыканье какою-то непонятной тоской отзывалось въ моемъ сердцѣ, меня тянуло къ нимъ и я широко расправлялъ свои крылья и съ громкимъ призывнымъ крикомъ начиналъ быстро махать ими въ воздухъ. Моему примѣру слѣдовали тогда и всѣ остальные гуси и мы снимались съ мѣста и низко надъ землей пролетали тогда на прудъ.

— Какъ-бы они и впрямь не улетѣли отъ насъ!... говорила намъ вслѣдъ птичница.—Надо-бы имъ подстричь крылья!.. Ну, да такъ ужъ и быть!.. Все равно скоро всѣхъ ихъ рѣзать да везти на базаръ...

Я не понималъ, что означало слово „рѣзать“ и для меня все равно показалось-бы невѣроятнымъ, какъ это умный, мыслящій человѣкъ и вдругъ сталъ-бы обогрывать свои руки нашей кровью и

лишать насъ жизни, которую даровалъ намъ Богъ. Но такъ думалъ я, а не человѣкъ, и въ одно сентябрьское утро произошло-то, что произошло. Нашъ сарай долго не отворяли, мы соскучились уже ожидать и громко кричали, какъ вдругъ къ намъ вошли птичница и какой-то незнакомый человѣкъ. Въ рукѣ у него сверкалъ ножъ. Схвативши одного изъ насъ за шею, онъ повалилъ его на полъ, всталъ ему на крылья ногами и перерѣзалъ ему горло. Покончивъ съ однимъ, онъ принялся за другого, потомъ за третьяго... Ужасъ наполнилъ мое сердце. Всѣ остальные, которыхъ ожидала та же судьба, столпились кучкой въ уголку, гоготали и не знали, что дѣлать.

— Рѣжутъ, рѣжутъ! закричалъ я въ ужасѣ и, захлопавъ крыльями, сталъ летать по сараю.

— Хватай его! Хватай! закричала въ свою очередь птичница.—Сѣраго! Сѣраго! Дикаря!

Мужикъ сталъ меня ловить. Въ это время пріотворилась немного дверь сарая и я вырвался и вылетѣлъ на дворъ.

— За мной, за мной! закричалъ я своимъ братьямъ и полетѣлъ къ пруду.—Летите скорѣе за мной!

Бѣдняжки, они не могли слѣдовать за мною и я долго еще слышалъ ихъ жалобные крики. долетавшіе до меня изъ сарая.

Сердце во мнѣ сильно билось и я весь дрожалъ. Съ полузакрытыми глазами я сидѣлъ подь кустомъ, ожидалъ, что вотъ-вотъ меня сейчасъ схватятъ за крылья и перерѣжутъ мнѣ горло, и призракъ смерти уже носился надо мною, какъ вдругъ гдѣ-то высоко-высоко надо мною раздались крики дикихъ гусей. Они летѣли косякомъ въ теплые края и ихъ манящіе крики наполнили мое сердце надеждой. Я поднялъ голову и закричалъ имъ изъ всѣхъ своихъ силъ. Они услышали меня и отвѣтили мнѣ такимъ-же крикомъ.

— Возьмите съ собой и меня! закричалъ я имъ.—Я хочу летѣть вмѣстѣ съ вами!

— Лети! отвѣтили они мнѣ съ высоты.—Мы тебя подождемъ!

Боже мой, долечу ли я до нихъ? Съумѣю-ли я летать такъ-же, какъ и они? Я взмахнулъ своими крыльями и вдругъ почувствовалъ, какъ земля стала оставаться подо мной гдѣ-то внизу, какъ крыши усадьбы и поверхность пруда стали уходить куда-то все глубже и глубже внизъ и вотъ необъятное воздушное пространство открылось предо мной со всѣхъ сторонъ и я понималъ, что я наконецъ на высотѣ.

Я свободенъ!.. Теперь я могу летѣть, куда захочу!.. Бѣдные мои родичи, оставшіеся на землѣ! Несчастные рабы!

Я присоединился къ каравану

и полетѣлъ съ нимъ далеко на югъ. Я не зналъ, кто были эти гуси, съ которыми я теперь летѣлъ, откуда и куда они держали путь, но по ихъ сѣрому оперенію я догадался, что они были дикими, такими-же „дикарями“, какъ и я, и улетали отъ суровой зимы. Впереди летѣлъ самецъ, за нимъ двумя расходящимися рядами, образуя клинъ, слѣдовали его выросшіе дѣти и жена, я помѣстился въ самомъ концѣ одной изъ сторонъ клина и отчаянно замалхалъ крыльями, чтобы не отстать.

— Стань въ середину линіи! обратился ко мнѣ одинъ изъ гусей.—Ты слабъ и можешь отстать!

Онъ уступилъ мнѣ свое мѣсто и мы полетѣли далѣе. Подъ нами потянулись поля, лѣса, деревни и города, полноводныя рѣки раскинулись голубыми лентами изъ края въ край и по узенькимъ рельсамъ спѣшили куда-то поѣзда. Иногда съ высоты я видѣлъ, какъ далеко внизу ястребъ или коршунъ нападалъ на домашнихъ гусей и они не могли спастись и становились ихъ добычей. Бѣдняжки, они уже не могли подняться подь самыя облака, какъ я!

Мы летѣли, не останавливаясь ни на минуту и все время оставаясь безъ ѣды, и нашъ проводникъ велъ насъ туда, куда зналъ дорогу только онъ одинъ. И вотъ громадная масса воды потянулась подь нами изъ края въ

край. По ней ходили сердитые, пѣнистые гребни и мнѣ было жутко смотрѣть на нихъ съ высоты.

— Крѣпитесь! Бодрѣе! закричалъ намъ спереди нашъ вожакъ.—Это Черное море! Если не будетъ встрѣчнаго вѣтра, то мы уже завтра снова будемъ летѣть надъ землей.

Дня черезъ три мы опустились въ одно изъ африканскихъ болотъ. Издалека виднѣлись пирамиды и я понялъ, что мы находились въ Египтѣ, гдѣ нибудь невдалекѣ отъ Нила, куда обыкновенно переселяется на зиму большинство изъ плавающихъ европейскихъ птицъ. Всѣ пережитые мною ужасы остались далеко позади, счастье свободы широко развертывалось передо мною и я чувствовалъ какое-то необыкновенное желаніе жить. Какъ и тогда въ Россіи, мы составляли здѣсь одну общую семью. Но здѣсь были только одинъ отецъ и одна мать и я былъ ихъ пріемнымъ сыномъ. Около насъ ходили другія семьи, но мы не смѣшивались съ ними и держались особнякомъ.

Точно такъ-же, какъ и тогда, мы каждое утро выходили вереницей на лугъ, щипали траву и только поздно вечеромъ возвращались къ себѣ домой, на небольшой островкѣ, гдѣ всегда садились подъ вѣтвями какого-то густого раскидистаго куста. Такъ время тянулось до середины Февраля.

Но вотъ въ воздухѣ повѣяло чѣмъ-то такимъ, что сразу-же потянуло насъ на родину. Мы гоготали, хлопали крыльями, испытывали какое-то безпокойное чувство и вдругъ, точно по уговору, поднялись высоко къ безоблачному густо-голубому небу, составили собою клинъ и полетѣли на сѣверъ. Впереди насъ летѣлъ все тотъ-же вожакъ—нашъ отецъ, позади—мать и я, а въ серединѣ всѣ остальные. Съ радостными криками мы перелетѣли опять черезъ одно море, потомъ черезъ другое и вотъ передъ нами потянулась безпредѣльная русская равнина. Стоялъ февраль, кое-гдѣ виднѣлись проталины, но снѣгъ еще лежалъ большими пространствами, на которыхъ тамъ и сямъ бурѣли деревни и лѣса. Здравствуй, наша милая родина! Какъ давно мы не видали твоего простора, твоей тихой, безхитростной красоты!

Мы опустились на одну изъ проталинъ, гдѣ была родина моей новой семьи. Гогоча, хлопая крыльями, мы стали выражать нашу радость, что прибыли наконецъ домой, а наши старики тотчасъ-же принялись за устройство своего новаго гнѣзда.

— Что-же вы? обратились они къ намъ.—Выбирайте себѣ супругъ и спѣшите скорѣе обзавестись семьей!

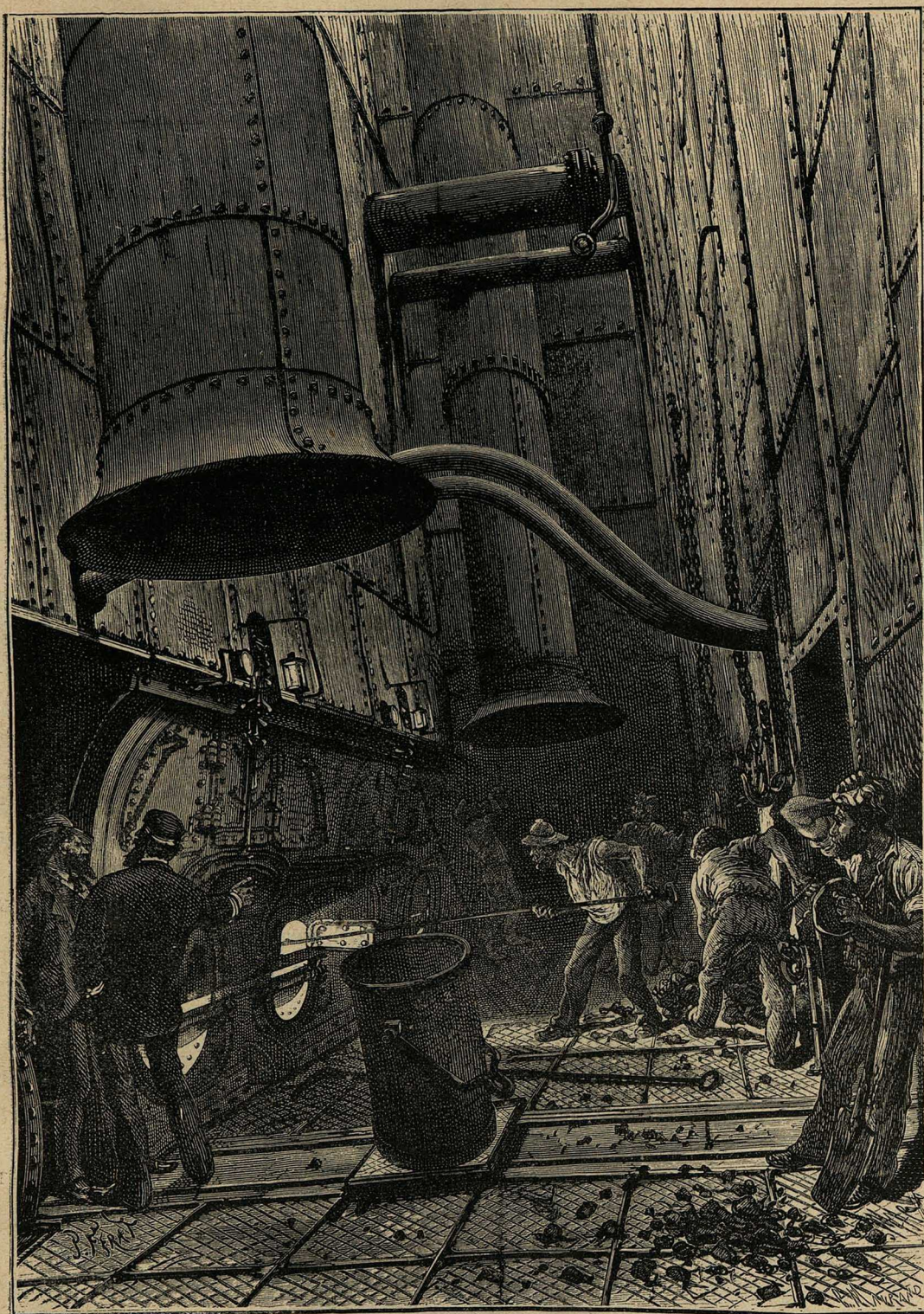
Рядомъ съ нами летѣли изъ

Обидѣль.

Въ глубинѣ океанскаго парохода.

Египта другіе гуси, которые опустились невдалекѣ отъ насъ. Я выбралъ въ одной сосѣдней семьѣ для себя супругу, одну на вѣчныя времена, и она тотчасъ-же стала устраивать для себя гнѣздо. Мы вмѣстѣ таскали прутья и солому, она складывала ихъ прямо на землѣ и когда получилась достаточная кучка, то она обмяла ее, утоптала, сдѣлала въ ней углубленіе, устлала ее своимъ пухомъ, который выщипала у себя на груди, снесла въ нее шесть яицъ и стала ихъ высидывать. Четыре недѣли она сидѣла на яйцахъ и всѣ эти 28 дней я бродилъ около гнѣзда

одинъ и тосковалъ. Когда-же она вывела мнѣ дѣтей и привела ихъ къ водѣ, то я такъ-же, какъ когда-то и мой отецъ, запрыгалъ отъ радости, зашипѣлъ и вдругъ почувствовалъ въ себѣ охоту защищать свою семью, хотя-бы для этого мнѣ пришлось положить свою собственную жизнь.

А затѣмъ потянулось наше обычное гусиное житье. Стоитъ-ли описывать его, когда его можно наблюдать у домашнихъ гусей? Оно во всемъ похоже на ту жизнь, которую я пережилъ, когда находился въ усадьбѣ, и которая описана вначалѣ этой статьи.

С. Вершининъ.

РАННЕЕ УТРО.

Свѣтаетъ... День начался снова,
Уже не разъ пропѣлъ пѣтухъ,
Мычатъ телята и коровы
И въ поле гонить ихъ пастухъ.
Стрижи летаютъ съ звонкимъ
пискомъ,
Гусей проснулся караванъ
И вдаль, на мѣстѣ низкомъ,
Еще стоитъ сѣдой туманъ.
Краснѣютъ ярко лѣсъ и крыши,
Все разгарается востокъ,
Но солнце всходитъ выше, выше
И шлетъ лучей своихъ потоки.
Еще моментъ—и все проснулось,

Запѣли птичьи голоса.
И все предъ солнцемъ улыбнулось
И доль, и пашни, и лѣса.
И высоко подъ самымъ небомъ,
Журавль летитъ за облачкомъ...
Чу!.. вдругъ запахло свѣжимъ
хлѣбомъ
И кипяченымъ молочкомъ!
Пора вставать!.. И вотъ дѣтишки
Уже проснулись и бѣгутъ
И, снявъ рубахи и штанишки,
Съ разбѣга бросились всѣ въ
пруди...
Кузнечикъ.

О Д Н И.

ПОВѢСТЬ.

— Ну, прощайте, дѣтки! въ послѣдній разъ сказалъ Сергѣй Гаврилычъ и крѣпко обнялъ своихъ дѣтей.— Не забывайте меня, пишите!

Софья Гавриловна съ мужемъ, гувернантка мадмуазель Амели, Вѣрочка и Коля столпились вокругъ отъѣзжавшаго, онъ поцѣловалъ ихъ, смахнулъ набѣжавшія слезы, отвернулся и вышелъ изъ дома. Горничная вынесла за нимъ его чемоданъ и узлы и Вѣрочка и Коля увидѣли изъ окна, какъ онъ сѣлъ на извозника и уѣхалъ на вокзалъ.

— Уѣхалъ папа! вздохнула гувернантка.— Теперь мы долго его не увидимъ!

Вѣрочка и Коля посмотрѣли на нее и тутъ только поняли, что папа не вернется къ нимъ ни сегодня, ни завтра, и что безъ него будетъ теперь одиноко и скучно. Они знали, что онъ уѣзжалъ въ дальнее плаваніе на два или на три года, но ихъ занимали сборы его въ дорогу, и имъ какъ-то и въ голову не приходило, что онъ дѣйствительно сядетъ на извозника, уѣдетъ и что они останутся одни.

Они были сироты. Ихъ мать умерла еще два года назадъ, а за это время ихъ тетя Софья Гавриловна вышла замужъ за какого-то сердитаго господина, который не любилъ,

когда они бѣгали и шумѣли, и даже иногда наказывалъ ихъ. Появленіе этого господина какъ-то сразу перевернуло всю ихъ жизнь. Папа Сергѣй Гаврилычъ не любилъ его, не скрывалъ этого отъ дѣтей, и они и сами привыкли считать своего новаго дядю-Митю своимъ врагомъ и сторонились его. И теперь, когда папа уѣзжалъ такъ надолго и такъ далеко, имъ предстояло окончательно подпасть подъ его власть, или-же разстаться съ нимъ и съ тетей и тоже уѣхать. Повидимому, и самъ папа имѣлъ это въ виду, потому-что передъ отъѣздомъ написалъ своей теткѣ въ деревню письмо, въ которомъ просилъ ее побережъ безъ него его дѣтей и, если понадобится, дать имъ у себя пріютъ.

— Странно, волновался онъ,— почему она такъ долго не отвѣчаетъ? Неужели такъ и придется уѣхать, не получивъ отъ нея отвѣта?

И онъ уѣхалъ, такъ и не получивъ отъ нея письма. Оно пришло только вечеромъ, въ день его отъѣзда, и мадмуазель долго не знала, какъ съ нимъ поступить, и вертѣла его въ рукахъ.

— Дайте-ка его сюда, обратился къ ней дядя-Митя.

Тоже боявшаяся его, гувер-

нантка робко протянула къ нему письмо. Онъ разорвалъ конвертъ, надѣлъ пенсне и громко его прочиталъ:—

„Дорогой племянникъ Сережа. Я и сама знаю, что твоимъ дѣтямъ не легко будетъ жить безъ тебя, въ чужомъ домѣ, въ особенности съ Дмитріемъ Ивановичемъ. Онъ не любитъ дѣтей и я не думаю, чтобы и Соня тоже позаботилась о нихъ. Она цѣликомъ подпала подъ его вліяніе. Конечно, лучше было-бы, если-бы ты прислалъ Вѣрочку и Колю ко мнѣ вмѣстѣ съ ихъ мадмуазелью, но сейчасъ у меня перестройка дома, вся мебель сбита въ одну комнату и я сама помѣщаюсь въ уголкѣ. Только черезъ мѣсяць, не раньше, я могла-бы приютить у себя твою семью. Если хочешь и найдешь удобнымъ, то пришли теперь-же ко мнѣ одного только Колю, я его помѣщу гдѣ-нибудь, а Вѣрочку и мадмуазель пришли черезъ мѣсяць. Желаю тебѣ счастливаго пути, благословляю тебя и молю Бога, чтобы онъ сохранилъ твоихъ сиротъ Вѣрочку и Колю и самого тебя. Пиши мнѣ! Твоя тетка Лидія“.

Дмитрій Ивановичъ прочиталъ это письмо и какъ-то странно улыбнулся.

— Ну, что-жь, сказалъ онъ,— если домъ тети Сони для дѣтей чужой и если я не люблю дѣтей, а сама тетя-Соня такъ подпала подъ мое вліяніе, что о нихъ не

позаботится совсѣмъ, то тогда зачѣмъ-же и ждать? Завтра-же я отправлю Колю къ Лидіи Петровнѣ въ деревню, а вы, мадмуазель, поѣдете туда съ Вѣрой черезъ мѣсяць...

И, громко стуча каблуками, онъ вышелъ изъ гостиной. Мадмуазель Амели посмотрѣла со страхомъ на его широкую спину и прижала къ себѣ дѣтей.

— Чудовище!.. прошептала она ему вслѣдъ.— Монстръ!.. Какъ онъ смѣлъ распечатать чужое письмо и прочитать?

На слѣдующее утро Коля былъ отправленъ къ бабушкѣ Лидіи Петровнѣ въ деревню одинъ. Вѣрочка и мадмуазель долго плакали о немъ, но потомъ успокоились, и для нихъ потекла скучная, однообразная жизнь. Вѣрочка ждала съ нетерпѣніемъ когда пройдетъ мѣсяць и бабушка вызоветъ и ее къ себѣ, и очень скучала по братѣ. Но проходили дни за днями, отъ бабушки все не приходило вѣстей и Вѣрочка цѣлые дни не выходила изъ своей холодной, неуютной комнаты, которую для нея отвели наверху. Она выходила къ завтраку и обѣду, но все время молчала, и затѣмъ съ гувернанткой уходила къ себѣ и чѣмъ-нибудь занималась: онѣ читали, вязали или просто играли въ куклы. Мадмуазель любила ее, старалась порѣже оставлять ее одну и тоже съ нетерпѣніемъ ожидала той минуты

когда наконецъ, отъ бабушки Лидіи Петровны придетъ письмо, и онѣ поѣдутъ къ ней въ деревню.

Однажды мадмуазель Амели отлучилась надолго изъ дома. Вѣрочка сидѣла у себя одна и скучала. Мѣсяцъ ярко свѣтилъ ей въ окно. При лунномъ освѣщеніи цвѣтъ ея лица казался блѣднымъ. Черные глазки съ густыми бровями были задумчиво устремлены вдаль. Во всей ея фигуркѣ чувствовалась какая-то грусть. Она закрыла книжку, лежавшую передъ ней на столѣ, и прощлась по комнатѣ. Сегодня ей не удалось пойти погулять и подышать свѣжимъ воздухомъ. Ея тетя-Соня и дядя-Митя устраивали у себя вечеръ, а въ такіе дни они посылали мадмуазель то туда, то сюда за покупками и Вѣрочка на цѣлый день оставалась одна. И никогда она не чувствовала такого одиночества, какъ въ эти концерты и вечера. А они устраивались чуть не каждые три дня. Она долго не могла уснуть отъ доносившихся до нея звуковъ музыки и голосовъ гостей, мадмуазель разливала внизу чай и она ложилась спать одна. Никто ее на ночь не крестилъ и не цѣловалъ, а по утрамъ она не встрѣчала лица своей матери, которая-бы ждала ея пробужденія. Иногда ей хотѣлось приласкаться къ тетѣ-Сонѣ, но почти всегда она замѣчала недовольное лицо и строгій голосъ говорилъ ей:—

— „Ты меня раздражаешь, Вѣра“! или:— „Ты мнѣ дѣйствуешь на нервы!“

Послѣ такихъ фразъ дѣвочка печально опускала глаза и уходила къ себѣ. Ея маленькая головка не могла понять, въ чемъ была ея вина, за которую ее такъ не любили дядя и тетя? Вѣдь она-же теперь никогда не плачетъ въ ихъ присутствіи и не выходитъ, когда у нихъ бываютъ гости!

И она сидѣла въ такіе вечера одна и прислушивалась къ музыкѣ, звуки которой то неудержимой волной вривались къ ней въ комнату, то снова замирали. Она еще съ ранняго дѣтства любила музыку. Не смотря на свои восемь лѣтъ, она уже понимала ее и долго-долго просиживала у себя на кровати неподвижно и слушала. Такъ слушала она ее и теперь и только одинъ мѣсяцъ смотрѣлъ къ ней въ окно и, казалось, ей говорилъ:—

— Я тоже одинокъ!.. Ты видишь, что я тоже на всемъ небѣ одинъ!

Музыка прекратилась. Внизу задвигали стульями—это сѣли ужинать. Значитъ, теперь уже скоро придетъ и мадмуазель. Ее обязанности кончились и она тоже сможетъ теперь отдохнуть. И дѣйствительно, послышались шаги и въ комнату вошла мадмуазель Амели. Она была въ свѣтломъ платьѣ и высокой прическѣ, которыя ее стѣсняли, и видно было, что она

устала и давно уже хотѣла прилечь.

— Ты еще не спишь? удивилась она, увидѣвъ, что Вѣрочка даже еще и не раздѣвалась.

— Я сейчасъ, мадмуазель... сконфузилась Вѣрочка и стала быстро раздѣваться.

Мадмуазель уложила ее въ постельку, укрыла и поцѣловала ее въ лобъ.

— Спи, милая!.. сказала она, — Сейчасъ лягу и я!

Но въ это время вдругъ раздались на лѣстницѣ чьи-то шаги и кто-то тихонько стукнулъ въ дверь.

— Кто тамъ? спросила мадмуазель.

— Вы еще не спите, барышня? послышался голосъ горничной. — Пожалуйте, васъ барыня зовутъ внизъ гостямъ кофе разливать!

Гувернантка распустила было уже себѣ волосы и приготовилась снимать платье и ложиться спать, но врожденная робость и страхъ передъ Дмитріемъ Ивановичемъ пересилили въ ней желаніе отдохнуть и она быстро причесалась опять и направилась къ двери.

— Сейчасъ, сейчасъ! отвѣтила она. — Скажите, что сейчасъ приду.

И она снова отправилась внизъ.

Она вернулась только въ третьемъ часу. Будучи только гувернанткой Вѣрочки и получая жалованіе только отъ Сергѣя Гаврилыча, она какъ-то неожиданно для самой себя подпала подъ власть дяди-

Мити и тети-Сони и стала исполнять у нихъ обязанности и экономки, и горничной, и рассыльной. Это угнетало ее и она считала дни и часы, когда отъ бабушки Лидіи придетъ письмо и она уѣдетъ къ ней въ деревню вмѣстѣ съ Вѣрочкой и тамъ хоть немного отдохнетъ.

На этотъ разъ она вернулась къ себѣ наверхъ съ счастливой улыбкой. Тихонько, чтобы не разбудить Вѣрочку, она раздѣлась и стала умываться. Свѣтила лампадка, но мѣсяцъ уже ушелъ куда-то далеко въ бокъ и его лучи уже не проникали сквозь тюлевую занавѣску. Но на дворѣ было по прежнему свѣтло. Внизу часы пробили три. Значитъ, скоро будетъ свѣтать...

— Вы уже пришли, мадмуазель? вдругъ услышала она голосъ проснувшейся Вѣрочки. — Какъ вы долго!..

Мадмуазель бросилась къ ней, обхватила обѣими руками ея тоненькое тѣльце и низко нагнулась надъ ея головой.

— Ты знаешь? сказала она и все лицо ея озарилось счастливою улыбкой. — Два часа тому назадъ, когда ты спала, Дмитрію Ивановичу подали телеграмму. Бабушка Лидія Петровна ждетъ тебя и меня къ себѣ... Вѣроятно, завтра-же мы и уѣдемъ!..

— Неужели? воскликнула Вѣрочка и вскочила на постели.

— Я сама расписывалась и сама слышала, какъ онъ вслухъ ее прочиталъ.

И не смотря на поздній часъ, обѣ онѣ сѣли на кровать и еще долго разговаривали и мечтали о томъ, какъ онѣ поѣдутъ въ деревню и увидятъ Колю.

А вдалькѣ въ разныхъ концахъ уже давно перекликались пѣтухи.

Настало утро. Въ воздухѣ уже чувствовалась настоящая весна, зеленѣли деревья и на бульварѣ цвѣли уже одуванчики. Въ открытыя окна доносилось щебетаніе воробьевъ и, когда мадмуазель и Вѣрочка сошли внизъ, то ихъ такъ и потянуло за городъ. При одной только мысли о деревнѣ у Вѣрочки дрожало что-то въ груди и она то и дѣло прижималась къ гувернанткѣ и старалась лишній разъ ее поцѣловать.

— Тамъ раздолье! мечтала мадмуазель Амели. — Тамъ не будешь сидѣть цѣлые дни въ заперти, какъ здѣсь!..

Вѣрочка прыгала отъ радости. Сегодня она уѣдетъ. Ей такъ уже надоѣло одѣваться здѣсь безъ Коли и цѣлыми днями сидѣть въ уютной комнатѣ, всегда одной, и не смѣть лишній разъ сойти внизъ. Ахъ, какъ она готова умчаться отсюда безъ оглядки, куда угодно, хоть на край свѣта, только-бы не оставаться въ этой угрюмой обстановкѣ, гдѣ ею тяготятся и гдѣ ей

всегда такъ хочется плакать отъ тоски!

И она бросилась къ гувернанткѣ на шею.

— Ну, ну, вострушка, довольно! стала освобождаться отъ ея ласкъ мадмуазель Амели.—Знаю вѣдь, что тебѣ тяжело здѣсь и что любишь побѣгать!..

Въ это время въ столовую вошелъ дядя—Митя и сѣлъ пить свой утренній кофе. Онъ былъ не въ духѣ и молчалъ. И гувернантка и Вѣрочка боялись спросить у него о телеграммѣ и въ душу къ Вѣрочкѣ стало уже закрадываться сомнѣніе: не ошиблась-ли мадмуазель? дѣйствительно-ли телеграмму прислала бабушка Лидія? Но Дмитрій Ивановичъ и самъ не былъ расположенъ скрывать отъ нихъ содержаніе телеграммы. Онъ отпилъ кофе, запахнулся плотнѣе въ халатъ и всталъ изъ-за стола.

— Собирайтесь въ деревню! сердито сказалъ онъ.—Можете ѣхать, когда вамъ угодно. Я васъ за полы не держу!

У Вѣрочки отъ радости опять задрожало что-то внутри. Она посмотрѣла на мадмуазель Амели, глаза ихъ встрѣтились и обѣ онѣ вспыхнули отъ удовольствія.

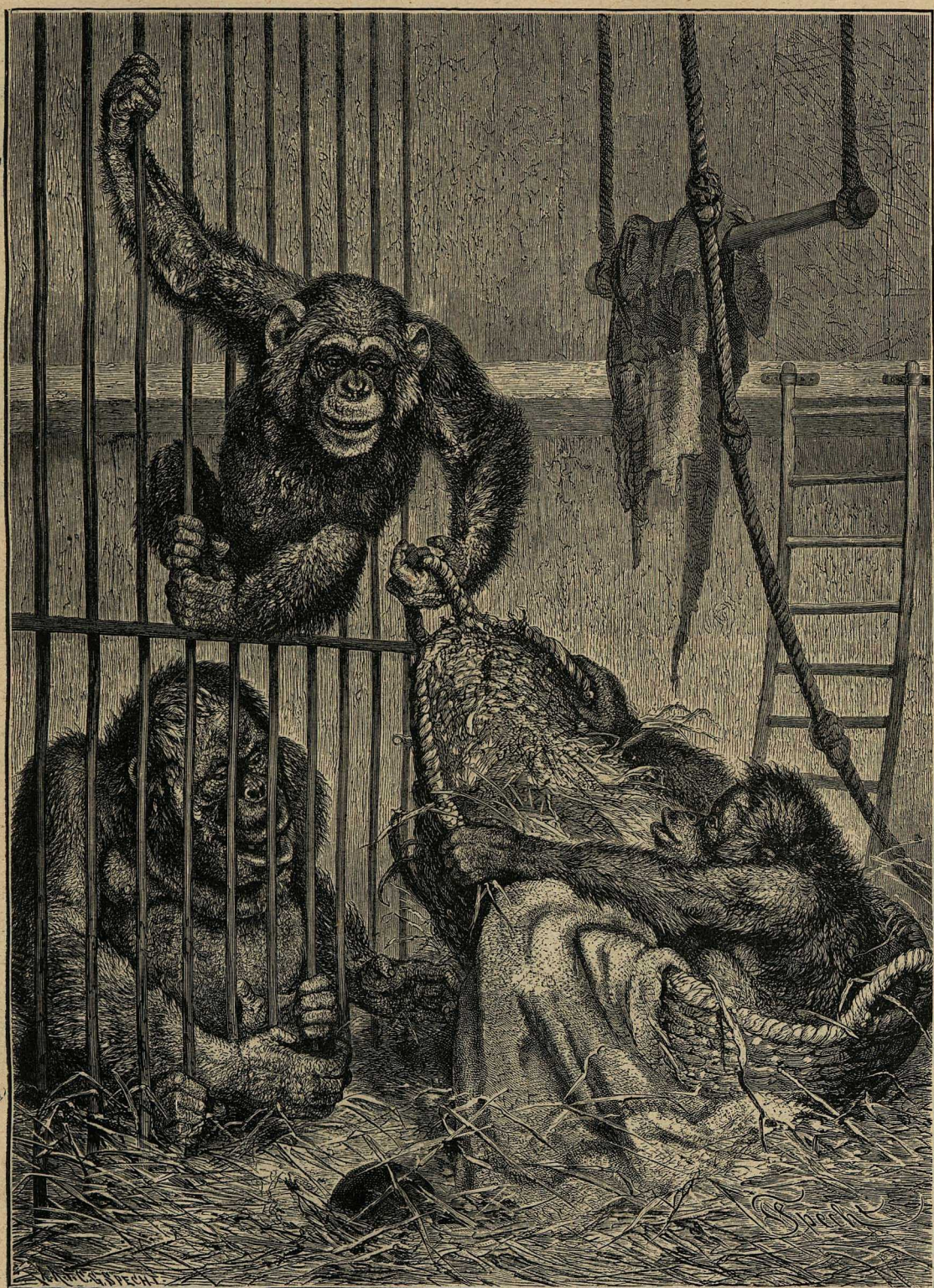
Начались сборы. Въ маленькой комнаткѣ наверху уже давно все было приготовлено къ отъѣзду и потому къ полудню уже все было готово. Въ часъ дня извозикъ уже дожидался уворотъ. Полная радост-

Передь бурей.

наго нетерпѣнія и все боясь чего-то, Вѣрочка пошла проститься съ тетей и дядей. Прощаніе было не длинное и не трогательное. Дядя какъ-то нехотя и холодно поцѣловалъ ее въ лобъ, приказалъ ей передать бабушкѣ его поклонъ — и больше ничего. У тети также не нашлось нѣжныхъ теплыхъ словъ для племянницы. Такъ и уѣхала Вѣрочка, никѣмъ не обласканная и не ободренная. Она ѣхала къ бабушкѣ Лидіи на хуторъ, но никогда въ жизни не видала этой бабушки и только знала о ней по рассказамъ отца... Коля не написалъ ей оттуда ни разу.

— „Какъ-то она приметъ меня?“ думала она, сидя въ вагонѣ, и будущее начинало пугать ее своею неизвѣстностью. — „А что, если и она такая же, какъ и тетя съ дядей?“

Было раннее утро, когда поѣздъ остановился у той станціи, гдѣ ей надо было выходить изъ поѣзда и садиться на лошадь. Летали съ пискомъ проснувшіеся стрижи и на травѣ и на листьяхъ деревьевъ лежала сѣрая матовая роса. Мычали коровы. Гдѣ-то на дудочкѣ игралъ пастухъ и душу Вѣрочки наполняло радостное чувство свободы. Неужела она дѣйствительно въ деревнѣ?

Мадмуазель тоже была довольна. Не спавшія ночь, со всбитыми прическами, онѣ вышли на платформу и стали оглядываться по

сторонамъ. Куда теперь ѣхать? У кого спросить? И вдругъ къ нимъ подошелъ какой-то мужичекъ и приподнял картузь.

— Вы, барышни, въ Калиновку? спросилъ онъ. — Къ барынѣ Лидіи Петровнѣ?

Боже мой, о нихъ вспомнили и выслали за ними лошадь! Значитъ, ихъ ждутъ и онѣ здѣсь не такія чужія, какъ имъ казалось въ вагонѣ.

— Да, да! отвѣтили онѣ. — Мы къ бабушкѣ Лидіи Петровнѣ!

Мужичокъ взялъ ихъ вещи и повелъ ихъ къ тарантасу. Запахъ радостнаго, весенняго утра, смѣшанный съ запахомъ старой кожи на тарантасѣ и дегтя, показали Вѣрочкѣ лучшими духами въ мірѣ. Она и мадмуазель Амели влѣзли въ экипажъ и имъ почудилось, что онѣ взобрались куда-то на крышу, — такъ онѣ были высоки. Мужичокъ дернулъ за вожжи, лошади замахали хвостами и гривами, забренчали бубенчиками и мелкою, скорою рысцою побѣжали въ путь. Промчался мимо тотъ поѣздъ, на которомъ пріѣхали Вѣрочка и мадмуазель Амели, и вмѣстѣ съ нимъ порвалась для нихъ та нить, которая связывала ихъ съ прежней жизнью. Теперь передъ ними открывалась новая жизнь и онѣ радостно ѣхали къ ней на встрѣчу и доверчиво, какъ дѣти, глядѣли по сторонамъ.

Пока ѣхали, солнышко взошло

совсѣмъ. Нѣжно-розовыя полосы, протянувшіяся было на горизонтѣ, исчезли и вмѣсто нихъ раскинулись легкія, перистыя облака. Туманъ въ низинкахъ еще не разсѣялся и стоялъ густой пеленой. Пробуждались птицы и насѣкомыя и было еще свѣжо. Отъ травы и отъ деревьевъ шелъ пріятный смолистый запахъ и вдаль сверкнула своей серебристой бѣлизной рѣчка, сдѣлала два—три крутыхъ извива и исчезла за густыми деревьями. А затѣмъ все какъ-то сразу измѣнилось. Закричали птицы, затрещали насѣкомыя, неизвѣстно куда дѣвался туманъ и яркое солнышко хлынуло на землю своими лучами и оживило всю природу. Мадмуазель и Вѣрочка молчали, прислушивались къ звукамъ и они казались имъ лучшей музыкой, какую они когда-либо слышали, и имъ не вѣрилось, что они только еще вчера были въ городѣ и сидѣли въ четырехъ стѣнахъ.

— А вонъ наша Калиновка! прервалъ наконецъ молчаніе мужичокъ и указалъ кнутомъ на горизонтъ.

Онѣ приставили ладони къ глазамъ и приглядѣлись. Далеко—далеко, изъ-за темной группы деревьевъ выглядывали красныя черепичныя крыши. Теперь ужъ не болѣе трехъ или четырехъ верст! Тамъ теперь бабушка и Коля уже ожидаютъ ихъ, встали, вѣроятно, уже готовятъ для нихъ чай, по-

глядываютъ на часы... Лошади тоже чуютъ, что близко уже домъ и бѣгутъ веселѣе.

— Эхъ, вы, милыя! покрикиваетъ на нихъ мужичекъ и вертитъ въ воздухѣ кнутомъ.

Попадаются бѣленькія хатки и мельницы, откуда-то опять появилась рѣчка и засверкала на солнцѣ своимъ серебромъ. Вотъ чье-то большое стадо и коровы не то со страхомъ, не то съ удивленіемъ глядятъ на тарантасъ. Вотъ свинья съ поросятами медленно перешла черезъ дорогу, такъ что пришлось даже придержать лошадей, чтобы онѣ ее не задавили, а вотъ ужъ и бабушкинъ хуторъ. Они проѣзжаютъ черезъ лѣсокъ, затѣмъ черезъ дворъ и останавливаются у крыльца.

Пріѣхали!

Выбѣгаетъ радостный, загорѣвшій Коля, хлопаетъ въ ладоши и еще издали прыгаетъ, какъ козель. Выходитъ какая-то женщина, затѣмъ — старенькая - старенькая, сторбленная старушка и тоже киваетъ головой. Это бабушка Лидія Петровна.

— Здравствуйте! Здравствуйте! слышатся голоса.—Съ пріѣздомъ!

Вѣрочка и мадмуазель вылѣзаютъ изъ экипажа и входятъ по ступенямъ на крыльцо. Коля съ визгомъ бросается къ мадмуазель Амели на шею, бабушка прижимаетъ Вѣрочку къ сердцу и хочетъ ее поцѣловать, но это у нея не

выходить, благодаря отсутствію зубовъ и слишкомъ обострившимся носу и подбородку. Затѣмъ всѣ входятъ въ домъ. Слышенъ запахъ свѣжей краски и вдоль пола протянулись новыя половики. Кругомъ чистенько и уютно. Видно, что только недавно былъ ремонтъ. Игнатъевна вводитъ гостей въ ихъ комнату и даетъ имъ умыться. Вѣрочка смотритъ на бѣлыя стѣны, низенькіе потолки и старинную мебель и ей кажется, что она приѣхала въ какое-то сказочное царство, къ доброй Феѣ, гдѣ ей будетъ уютно и хорошо. Только что окрашенный, и безъ того чистый полъ былъ вымытъ, стѣны блистали бѣлизной, на окнахъ висѣли бѣлоснѣжныя коленкоровыя занавѣски и нигдѣ нельзя было замѣтить ни паутинки, ни пылинки. Въ открытое окно доносилось пѣніе птицъ и виднѣлись яблони въ полномъ цвѣту, въ курятникѣ кудахтали куры, гдѣ-то мычала корова и надъ всѣмъ этимъ свѣтило яркое, привѣтливое солнце.

— Ну, совсѣмъ какъ у насъ въ Швейцаріи! восхищалась мадмуазель Амели.—Точь въ точь, какъ у насъ на Альпахъ!

Когда Вѣрочка съ гувернанткой вышли въ сосѣднюю комнату, то ихъ уже ожидали бабушка и Коля. На столѣ кипѣлъ самоваръ, стояли свѣжія яйца и картофель, отъ котораго клубомъ шелъ паръ.

— Небось устали съ дороги?

обратилась къ нимъ бабушка.— Проголодались? Вотъ покушайте на здоровье, отдохните!..

Старческими, дрожавшими руками она отрѣзала чернаго хлѣба, намазала его масломъ и подала гувернанткѣ и дѣтямъ.

— Ъшьте, дорогія мои! сказала она.—Сейчасъ и пышки горячія подадутъ!.. У насъ не городъ... Что есть, то и ѣдимъ!..

Но Вѣрочкѣ показалось, что она никогда не ѣла ничего вкуснѣе, и черный, свѣжій хлѣбъ понравился ей больше, чѣмъ всѣ пирожныя въ мірѣ. Всѣ они ѣли, смотрѣли одинъ на другого, смѣялись безъ причины, а бабушка глядѣла на нихъ, молчала и старчески кивала головой.

Затѣмъ молодежь побѣжала въ садъ. Игнатъевна убрала посуду, а бабушка пошла къ себѣ въ комнату и легла.

— Бабушка, что съ тобой? обратилась къ ней, нечаянно вбѣжавшая въ ея комнату Вѣрочка.— Отчего ты лежишь? Ты больна?

Бабушка улыбнулась тихой, грустной улыбкой и притянула ее къ себѣ.

— Стара стала!.. отвѣтила она. Силушки не хватаетъ!.. Вотъ такъ похожу—похожу, да и прилягу!..

И, усадивъ Вѣрочку около себя на кровать, она провела рукою по ея волосамъ.

— Какъ ты похожа на свою покойную мать! сказала она.—Вся

въ нее!.. Вотъ Коля—такъ тотъ весь въ отца.

И, приподнявшись на одномъ локтѣ, она продолжала:—

— Твой отецъ давно уже, еще передъ первымъ своимъ отъѣздомъ, далъ мнѣ на сохраненіе золотой медальонъ твоей матери. Въ немъ ея портретъ, когда она была еще молодой... Когда-нибудь я тебѣ его покажу...

— А гдѣ теперь мой папа? спросила Вѣрочка.

Старушка задумалась.

— Гдѣ онъ теперь, дай Богъ память! отвѣтила она.— Совсѣмъ позабыла!.. Онъ вѣдь мнѣ на прошлой недѣлѣ писалъ!..

Она встала съ постели, подошла къ комоду и долго искала на немъ очки. Затѣмъ она достала изъ шкатулки открытое письмо и прочла:—

„Дорогая тетя. Шлю вамъ привѣтъ изъ далекой Англи. Я пришелъ со своимъ кораблемъ въ Кардифъ и пробуду здѣсь около недѣли. Будемъ грузиться углемъ. Цѣлую Васъ и благословляю дѣтей. Берегите ихъ. Любящій васъ Сергѣй“.

— Ахъ, ужъ эта жизнь моряка!.. покачала она головой.

И, глубоко вздохнувъ, она сняла очки, положила письмо въ шкатулку и поцѣловала Вѣрочку въ лобъ.

— Ну, иди, моя сироточка, въ садъ! сказала она.— Побѣгай тамъ

на здоровье! Вѣдь только и твоего дѣла теперь, что побѣгать!

Не привыкшая къ ласкамъ, повинуясь какому-то безотчетному порыву, дѣвочка подскочила къ старушкѣ, обняла ее за шею и крѣпко поцѣловала въ щеку. Это умилило бабушку, она смахнула слезу и была видимо растрогана.

— А тебя не обижаетъ твоя гувернантка? тихонько задала она ей вопросъ.

— Мадмуазель Амели? удивилась Вѣрочка.— Меня?

И, звонко засмѣявшись, точно услышала какую-нибудь необыкновенную шутку, она выбѣжала въ садъ.

Бабушка посмотрѣла ей вслѣдъ.

— Ну, славу Богу! сказала она и перекрестилась.

А затѣмъ она опять подошла къ комоду, открыла въ немъ какой-то потайной уголокъ, достала изъ него золотой медальонъ и долго смотрѣла на портретъ Вѣрочкиной матери. Поцѣловавъ его, она закрыла его и сунула къ себѣ подъ подушку.

А съ надворья доносились веселые крики Вѣрочки и Коли и раскатистый смѣхъ мадмуазель Амели.

— Ну, совсѣмъ, совсѣмъ, какъ у насъ въ Швейцаріи! уже въ который разъ повторяла она.— Точь въ точь, какъ у насъ на Альпахъ!

Вечеромъ, когда дѣти ложились уже спать, старушка кликнула къ

себѣ Вѣрочку и повѣсила ей на шею медальонъ.

— Храни его, какъ святыню сказала она ей.— Это портретъ твоей матери. Молись о ней и она тоже помолится за тебя на небѣ!

Вѣрочка взглянула на свою мать и что-то тихое, нѣжное, ласковое наполнило вдругъ ея душу. Что-то теплое, не поддающееся описанію, прекрасное, какъ далекая музыка, и грустное, но поэтическое, какъ доносящіяся съ высоты крики покидающихъ родину журавлей, овладѣло всѣмъ ея существомъ. Она прижала медальонъ къ губамъ, побѣжала къ себѣ въ комнату, легла на кровать и укрылась съ головой.

— Мама!.. Мама!.. шептала она.— Милая, дорогая, хорошая мама!

И она еще долго не могла уснуть.

Было тепло. Въ открытыя окна доносились кваканье лягушекъ и пѣніе соловьевъ и набѣгавшій иногда вѣтерокъ надувалъ колена-

коровыя занавѣски. Мадмуазель Амели и Коля спали крѣпкимъ сномъ, а сбоку, за перегородкой, въ своей комнатѣ еще долго бодрствовала бабушка и то и дѣло вздыхала.

— Охъ, старость, старость! говорила она.— И куда-то только уходятъ всѣ эти дни?..

Хриплымъ басомъ часы въ столовой пробили двѣнадцать. Имъ отвѣтили тонкимъ теноромъ часы изъ кухни. Бабушка зажгла свѣчку и въ бѣломъ чепцѣ, ночной кофточкѣ и юбкѣ вышла въ дѣтскую. Тамъ всѣ крѣпко спали. Вѣроятно, Вѣрочка видѣла во снѣ свою мать, потому что улыбалась. Бабушка помолилась на образъ, перекрестила всѣхъ, въ томъ числѣ и французенку, и тихо удалилась.

— Спице, сироточки!.. сказала она.— Спице крѣпче! Господь васъ благослови!

А на дворѣ по прежнему трещали лягушки и пѣли соловьи.

М. Б—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ ПОЛѢ.

Золотится рожь густая,
Голубѣютъ васильки,
Легкокрылыхъ пташекъ стая
Пронеслася у рѣки..
Заходила рожь волнами,—
Ее вѣтеръ закачалъ,
Снова стихъ—и надъ полями,

Коростель вдругъ закричалъ...
Вотъ ему другой отвѣтилъ,
И скрипитъ издадека...
Лѣтній вечеръ тихъ и свѣтелъ,
Словно зеркало, рѣка...
Вотъ и русая головка
Земелькала среди ржи.

— „Маша, ты?..“ — Ушла плутовка,
Живо скрылась у межи...
Тихо рожь зашелестѣла,
Слышенъ топотъ быстрыхъ ногъ;
Стихло все... Навѣрно сѣла
И плететь себѣ вѣнокъ...
За сестренкой вслѣдъ примчался
На прутѣ верхомъ малышъ;
Звонкій смѣхъ дѣтей раздался,
Разбудилъ рѣчную тишь...
— „Ну, бѣжимъ!..“ — Пошла по-
тѣха...

Понеслись... „Бѣги скорѣй!..“
За рѣкою сонной эхо
Повторяетъ крикъ дѣтей.
Сосенъ темныя верхушки
Лучъ прощальный золотить,
И печальный крикъ кукушки
Тихо изъ лѣсу звучить...
Солнце за гору садится,
Стало сыро отъ рѣки;
Рожь густая золотится,
И темнѣютъ васильки...

А. Н.

КАКЪ ВЪ СКАЗКѢ.

Бѣхала одинокая барыня въ ко-
ляскѣ и держала на колѣняхъ со-
бачку. Когда проѣзжали мимо
какой-то деревни, то была ночь,
барыня задремала и собачка сва-
лилась съ ея колѣнъ прямо на
землю. Такъ барыня и не замѣти-
ла своей потери. А когда она, часъ
спустя, проснулась и хватилась
собачки, то было уже поздно. Вер-
нулись назадъ, долго искали, но
собачку такъ и не нашли. Такъ
и пришлось барынѣ уѣхать домой
ни съ чѣмъ.

Какъ и въ сказкѣ, брата и сестру
звали Машей и Ваней. Они были
сироты и имъ жилось очень тя-
жело. Старый сапожникъ, у кото-
раго они остались послѣ смерти
матери, плохо кормилъ ихъ, билъ
ихъ колотками по головѣ и при-
дирался къ нимъ ни за что.

— Хоть-бы кто-нибудь васъ

взялъ! грубо говорилъ онъ имъ.—
Тутъ и самому нечего ѣсть, а
корми еще и васъ! Навязались на
мою шею!

Имъ было больно это слушать,
они сознавали, что они у сапож-
ника лишніе, часто вспоминали о
своей матери и молились Богу,
чтобы Онъ взялъ ихъ къ себѣ. Но
проходили дни за днями, они все
еще оставались на землѣ и ихъ
жизнь становилась все невыноси-
мѣе и тяжелѣе.

— Знаешь, что? обратилась
однажды Маша къ Ванѣ.—Бѣжимъ
отсюда!

— Куда? спросилъ ее Ваня.

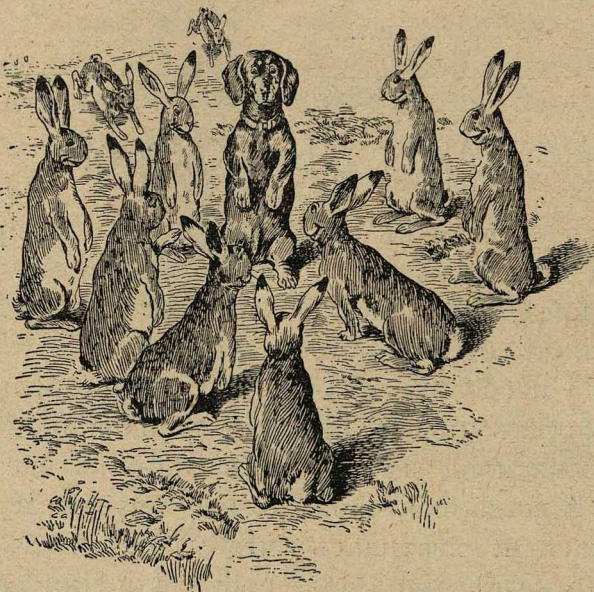
Она указала ему на горизонтъ.

— Видишь—небо сходится съ
съ землею! указала она.—Бѣжимъ
туда! Мы влѣземъ на небо и по-
бѣжимъ по облакамъ къ нашей
мамѣ!

Они взялись за руки и побѣжали. Но едва только они вышли за околицу, какъ сбоку дороги, въ канавѣ, послышался жалобный пискъ. Они нагнулись и увидали собачку. Маленькая, лохматенькая, она старалась выскочить изъ глубокой ка-

находкѣ и, возвратясь въ деревню, забились къ себѣ въ сарайчикъ и не выходили оттуда до вечера. Все время они провели съ собачкой, ласкали ее, прижимали ее къ сердцу и въ ихъ грустной, забытой жизни она казалась имъ до-

Будемъ друзьями!

навы, но не могла. Дѣтямъ стало ее жалко.

— Возьмемъ ее съ собой! сказала Маша.

Они вытащили ее изъ канавы и, позабывъ уже о небѣ, со всѣхъ ногъ побѣжали къ себѣ домой. Одинокіе, никогда не имѣвшія игрушекъ, они обрадовались своей

рогой, живой игрушкой, которой не было цѣны.

— Она будетъ у насъ Муськой! сказала Маша.—Мы такъ ее и будемъ звать!

И они скрывали Муську въ сарайчикѣ цѣлую недѣлю. Они боялись, какъ-бы ее не увидать у нихъ сапожникъ, кормили ее тѣми

— Господинъ докторъ, осмотрите нашего больного!

скудными остатками, которые недоѣдали сами, и она платила имъ за это своими собачьими ласками, виляла имъ хвостомъ и лизала ихъ въ щеки. Они радовались ей и скоро, всѣ трое, они сдѣлались преданными, искренними друзьями.

Но ровно черезъ недѣлю, когда сапожникъ былъ на дворѣ, Муська выбѣжала изъ сарайчика и стала ласкаться у его ногъ.

— Это еще что такое? закричалъ на нее сапожникъ.—Пошла вонъ! Чтобъ ты издохла паршивая!

И онъ больно пнулъ ее ногой.

Она завизжала и убѣжала въ сарайчикъ къ дѣтямъ. Сапожникъ послѣдовалъ за нею и, узнавъ, что она принадлежала имъ, схватилъ ее за спину и сунулъ въ мѣшокъ.

— Собакъ еще здѣсь разводить будете!.. заворчалъ онъ.—Тутъ и самому нечего ѣсть, а корми еще и собакъ!..

И онъ зашагалъ съ Муськой къ лѣсу. Испуганная, со слезами на глазахъ, дѣти безмолвно глядѣли ему вслѣдъ.

Вдалекѣ, на горизонтѣ, синѣлъ лѣсъ. Говорили, что онъ былъ казенный и что ему не было конца. Черезъ него проходила дорога къ станціи и въ самой срединѣ лѣса, у самой дороги, стояла сторожка. Въ ней жила старуха, вдова сторожа, которую всѣ почему-то назы-

вали Бабой-Ягой. Ею въ деревнѣ пугали дѣтей и никто изъ нихъ не осмѣливался ходить въ тотъ лѣсъ. Маша и Ваня стояли у околицы, провожали печальными взглядами сапожника и видѣли, какъ онъ вошелъ въ этотъ безконечный дремучій лѣсъ.

— Бѣдная Муська! вздохнули они.—Теперь мы уже не увидимъ ее больше никогда!

Придя въ лѣсъ, сапожникъ зашелъ въ его глубину и, развязавъ мѣшокъ, вытряхнулъ изъ него сапожничью бачку.

— Оставайся здѣсь! сказалъ онъ.—Мнѣ не нужно тебя! И самимъ нечего ѣсть, а тутъ еще ты!..

И онъ зашагалъ назадъ. Она виляла ему хвостикомъ и доверчиво послѣдовала за нимъ. Онъ пнулъ ее ногой.

— Пошла прочь! закричалъ онъ на нее.—Вотъ я тебя сейчасъ!..

Онъ бросилъ въ нее кусочкомъ дерева. Она посмотрѣла на него удивленными глазами, встала на заднія лапки и такъ и простояла на нихъ до тѣхъ поръ, пока онъ не вышелъ изъ лѣса. Затѣмъ она побѣжала вглубь, куда глядѣли ея глаза.

Часъ спустя, сапожникъ вернулся домой, но уже безъ собачки. Было ясно, что онъ бросилъ ее въ лѣсу одну, а можетъ быть даже ее и убилъ. Дѣти забились въ уголокъ сарайчика и долго тамъ плакали.

Насталъ вечеръ. Муська поняла, что заблудилась и жалостно заскулила.—Ску-ску-ску!...

Но вотъ слышались чьи-то шаги. Слышно было, какъ чьи-то ноги хрустѣли по сухимъ вѣткамъ. Муська прислушалась, завиляла хвостикомъ и встала на заднія лапки. Изъ-за кустовъ вышла дряхлая, сторбленная старушка. Увидѣвъ маленькую, бѣленькую собачку, такъ довѣрчиво ожидавшую ее, она подошла къ ней и ласково сказала.

— Ахъ, ты моя милая! Стоитъ и ждетъ, словно человѣкъ! Должно быть, тебя кто-нибудь здѣсь потерялъ! Ну, иди, иди сюда.

И поднявши Муську съ земли, она нѣжно прижала ее къ своей старческой груди и унесла ее съ собой.

Ваня и Маша долго сидѣли въ сарайчикѣ въ уголкѣ и безутѣшно рыдали.— Затѣмъ они вышли на дворъ. Былъ вечеръ. На небѣ одна за другой стали зажигаться звѣзды. Надъ темнымъ, безконечнымъ лѣсомъ, въ которомъ жила Баба-Яга, взошелъ молодой мѣсяцъ и задралъ кверху свои остренькіе рожки. Кричали ночныя прицы и жужжали жуки.

— Пойдемъ, Ваня, обратилась къ брату Маша и взяла его за руку.

— Куда? покорно спросилъ онъ ее.

— Пойдемъ поближе къ этому

мѣсяцу и спросимъ его, не видалъ-ли онъ на небѣ нашей мамы?

И они пошли. Но чѣмъ дальше они шли, тѣмъ мѣсяцъ все удалялся и удалялся отъ нихъ, и наконецъ совсѣмъ зашелъ за лѣсъ.

— Вѣроятно, онъ живетъ въ лѣсу, сказала Маша.— Пойдемъ къ нему!

Они вошли въ лѣсъ. Здѣсь было совсѣмъ уже темно, ничего не было видно подъ ногами и только слышно было, какъ высоко сверху шумѣли листьями березы и гудѣли иглами сосны, пахло сыростью и прѣлымъ листомъ. Какая-то птица жалобно кричала и хлопала крыльями.

— Мнѣ страшно! сказалъ Ваня.

— Ничего, Ваня, не бойся, успокоила его Маша.— Вонъ гдѣ-то впереди мерцаетъ огонекъ. Тамъ вѣроятно живетъ мѣсяцъ!

И они вышли къ лѣсной сторожкѣ.

— Тукъ-тукъ-тукъ! постучались они.— Мѣсяцъ, мѣсяцъ,пусти насъ! Скажи намъ, не видалъ-ли ты на небѣ нашей мамы?

Но вмѣсто мѣсяца въ окнѣ показывается сѣдая голова дряхлой старухи. Это Баба-Яга.

— Чего вамъ, дѣти? спрашиваетъ она Ваню и Машу.— Зачѣмъ вы пришли сюда въ такую позднюю ночь? Вы заблудились?

— Нѣтъ, бабушка, отвѣчаетъ ей, какъ въ сказкѣ, Маша.— Мы не заблудились, но мы ищемъ мѣсяца,

чтобы онъ сказалъ намъ, гдѣ наша мать? Мы—сироты и хотимъ ѣсть. Нашъ хозяинъ ужъ давно выгналъ насъ изъ дому, а сегодня онъ взялъ еще и нашу собачку и занесъ ее сюда въ лѣсъ. Мы устали и не можемъ дальше идти. Приюти насъ!

Старушка вышла къ нимъ на встрѣчу, взяла ихъ за руки и ввела ихъ къ себѣ.

— Не грустите, дѣтки, сказала она имъ. — Сиротъ не оставляеть Богъ. Сейчасъ я дамъ вамъ поѣсть, а потомъ сдѣлаю такъ, что къ вамъ вернется и ваша собачка!

Она дала имъ по ломтю хлѣба и по чашкѣ молока. Они поѣли и стали ожидать. Старуха отворила дверь въ сосѣдній чуланчикъ и выпустила изъ него собачку.

— Муська! взвизгнули дѣти и стали ее ласкать и обнимать.

Муська тоже узнала ихъ, завизжала отъ радости и стала прыгать къ самымъ ихъ лицамъ и лизать ихъ въ щеки и въ шею. Такъ они проирали съ ней цѣлый часъ.

— Ну, а теперь дѣтки, ложитесь спать! обратилась къ Ванѣ и Машѣ Баба-Яга. — Уже пора! Утро вечера мудренѣе! Слышите — идетъ гроза?

И дѣйствительно, издалека доносились раскаты грома. Слышно было, какъ шумѣли деревья и какъ вслѣдъ затѣмъ мѣрно забарабанилъ по крышѣ дождь. Потомъ засверкали молніи, громъ сталъ раздаваться уже прямо надъ головою

и дѣтямъ казалось, что вотъ-вотъ на нихъ обрушится потолокъ. Старуха постлала имъ на лавкѣ теплую, мягкую постель и уложила ихъ спать. Муська подлѣзла къ Ванѣ подъ одеяло.

— Мнѣ страшно! шепнулъ Машѣ на ухо Ваня. — Баба-Яга напустила на насъ грозу, а потомъ сварить меня въ котлѣ и съѣсть!

— Не бойся, Ваня, снова успокоила брата Маша. — Развѣ ты не видишь, что эта Баба-Яга добрая, а не злая? Если-бы она была злая, то не возвратила-бы намъ нашу Муську.

Ваня удовлетворился этимъ отвѣтомъ и скоро заснулъ. Маша вдругъ вскочила съ постели и стала на ней на колѣнки.

— Бабушка, обратилась она къ старухѣ и слезы засверкали у нея на глазахъ. — Сдѣлай такъ, чтобы намъ уже не нужно было возвращаться къ нашему хозяину! Пусть насъ возьметъ къ себѣ какая-нибудь добрая дама!

Старуха погладила ее костью рукой по головѣ и снова уложила спать.

— Спи, моя сироточка! сказала она. — Богъ милостивъ! Утро вечера мудренѣе!

И Маша заснула крѣпкимъ сномъ.

А гроза все продолжалась и все болѣе и болѣе свирѣпѣла. Дождь лилъ уже, какъ изъ ведра, слышно было, какъ злобный вѣтеръ ломалъ въ лѣсу вѣковыя деревья и какъ

кричали испуганныя молніей совы и брехали лисицы.

И вдругъ раздалось шлепанье по грязи лошадиныхъ копытъ и кто-то остановился у избушки.

— Тпруу!.. Пустите, добрые люди, отдохнуть! Укройте отъ дождя!

Старуха слѣзла съ печи, засвѣтила лучину и пошла отворить. Порывъ вѣтра ворвался въ избушку и заколебаль пламя на лучинѣ. Вслѣдъ за нимъ вошелъ, весь промокшій, кучерь и ввелъ за собою какую-то даму.

— Пожалуйте, матушка-барыня сюда! говорилъ онъ.—Присядьте вотъ здѣсь... Здѣсь сухо и тепло.. Тутъ и переждемъ!.. Гроза-то, гроза-то какая!.. Такъ молнія и слѣпнуть!.. Промокли до костей..

Барыня сняла съ себя пальто и сѣла на лавку. Было тепло, кричалъ подъ печкой сверчокъ и слышно было, какъ въ углу шерошились тараканы.

— Не прикажешь-ли, матушка-барыня, подать тебѣ молочка, обратилась къ пріѣзжей старушка.— Или, быть можетъ, не постлатъ-ли для тебя постель?

— Нѣтъ, не нужно, отвѣтила барыня.—Теперь ужъ скоро гроза пройдетъ и я поѣду дальше! Мнѣ пора домой!

Но едва только она произнесла эти слова, какъ изъ-подъ одѣяла Вани выскочила Муська и съ радостнымъ визгомъ бросилась къ пріѣзжей. Она вскочила къ ней на

колѣни, завиляла хвостомъ, засуетилась, заскулила и стала лизать ей руки, губы, глаза...

— Топси! воскликнула дама.— Моя милая, дорогая Топси! Откуда ты взялась? Вѣдь я потеряла тебя еще на прошлой недѣлѣ не здѣсь, а у села! Хорошая моя собачка!

И она схватила свою любимицу и прижала ее къ себѣ. Въ это время со своихъ постелей повскакивали Маша и Ваня и, какъ были, въ однихъ рубашонкахъ, подбѣжали къ дамѣ и тоже стали ласкать собачку.

— Муська! Мусенька! говорили они.

— Топси! Топси! повторяла дама.

На пріѣзжей было дорогое темное платье съ кружевами и от нея сладко пахло какими-то вкусными, удивительными духами. Дѣти поглядѣли ей въ лицо и она показалась имъ похожей на ангела, котораго они видѣли на картинѣ въ церкви. Думая, что это Баба-Яга нарочно сдѣлала такъ, чтобы эта дама пріѣхала сюда и чтобы ихъ ей отдать, они обрадовались и обняли эту даму за шею.

— Возьмите насъ къ себѣ! сказали они.— Мы сироты, нашъ хозяинъ не даетъ намъ ѣсть и бьетъ насъ колотками прямо по головѣ!

Она усадила ихъ рядомъ съ собой, стала распрашивать ихъ обо всемъ и когда они рассказали ей о своемъ одиночествѣ и горѣ, и о томъ, какъ они нашли ея собачку

въ канавѣ и берегли ее въ сарайчикѣ въ уголкѣ, то она глубоко вздохнула и прижала ихъ къ себѣ.

— Я одинока, сказала она, — и возьму васъ къ себѣ. Мнѣ посылаетъ васъ самъ Богъ!

И она стала собирать ихъ съ собою въ путь.

Гроза ужъ прошла, дождикъ прекратился и теперь при свѣтѣ появившихся звѣздъ уже было видно и лужи, и дорогу, и стоявшія по бокамъ деревья. Барыня вывела дѣтей изъ избушки и усадила ихъ вмѣстѣ съ собою въ экипажъ.

Топси, она-же Муська, вспрыгнула ей на колѣни и завилыла хвостомъ.

— Трогай, Семень! сказала дама.

Отдохнувшія лошади тронулись съ мѣста и побѣжали веселою рысью. А позади, въ избушкѣ у Бабы-Яги, еще долго свѣтился огонекъ, а сама старушка стояла на крыльцѣ и набожно крестилась.

— Слава Богу? шептала она. — Теперь имъ будетъ хорошо!

Занималась заря, кое-гдѣ попискивали пробуждавшіяся птички и деревья стряхивали съ себя крупные капли дождя.

Лео.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Ко лбу прибавили сто лѣтъ — что вышло?

II.

Задумано названіе города на Юго-Западѣ Россіи. Первая половина этого названія кормить всю вторую. Какой это городъ?

(предложила Галя Русиловичъ).

III.

Что бываетъ съ лошадыю, когда ее покупаютъ?

(предложилъ С. Важинскій).

IV.

Мальчикъ въ испугѣ проснулся и побѣжалъ звать свою маму. Почему именно онъ побѣжалъ звать маму, а не папу?

V.

Почему воздухоплаватели стали такъ удачно совершать свои полеты и отчего они пролетаютъ теперь такія большія пространства, какихъ нельзя было пролетѣть на воздушныхъ шарахъ?

VI.

Названія какихъ русскихъ городовъ заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:

1. На святкахъ мы веселились такъ, что до сихъ поръ вспоминаемъ.

2. Старуха хотѣла сама работать, не смотря на свои преклонные годы.

3. Было утро; фонари гасли; улицы были еще пустынные.

4. На радостяхъ нѣмцы пили баварское пиво и ѣли ветчину.

5. Русскіе въ въ 1812 году поступили, какъ настоящіе герои.

6. Дѣвочки нарвали много цвѣтовъ.

7. Мы стояли на высококомъ берегу; издалека луга казались намъ ровнымъ бирюзовымъ ковромъ.

8. На мосту лаяла собака.

VII.

Названіе одного изъ очень большихъ городовъ состоитъ изъ 15 буквъ: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15. Буквы 1, 2, 4, 8, 15 означаютъ часть тѣла че-

ловѣка и животныхъ: 14, 2, 1, 13, 5, 15—часть руки, 12, 14, 6, 5, 9, 3, 6—очень тяжелый металлъ, 4, 2, 14, 11, 7, 9, 3, 6—мясо, заготовленное впрокъ, 12, 13, 14, 8, 9, 10, 6—старинные 50 копѣекъ, 4, 8, 6, 14, 15—крѣпкій металлъ, 12, 6, 4, 8, 15—ротъ хищнаго животного, 8, 2, 12, 11, 14, 15—дерево, 14, 6, 7, 15—двухкопытное животное, 12, 2, 14, 15, 1, 6—танецъ, 7, 9, 8, 1, 9—то, безъ чего нельзя шить, 4, 9, 7, 15, 1, 6—то, безъ чего обыкновенно не стираютъ бѣлья.

Какія это слова и названіе какого города задумано?

Очехъ **рекомендуется!**

новая книга для дѣтей:

Цѣна 40 коп.

Съ пересылкой 55 коп.

„Дружокъ и Оомка“.

Повѣсть съ иллюстраціями.

Выписывать изъ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство».

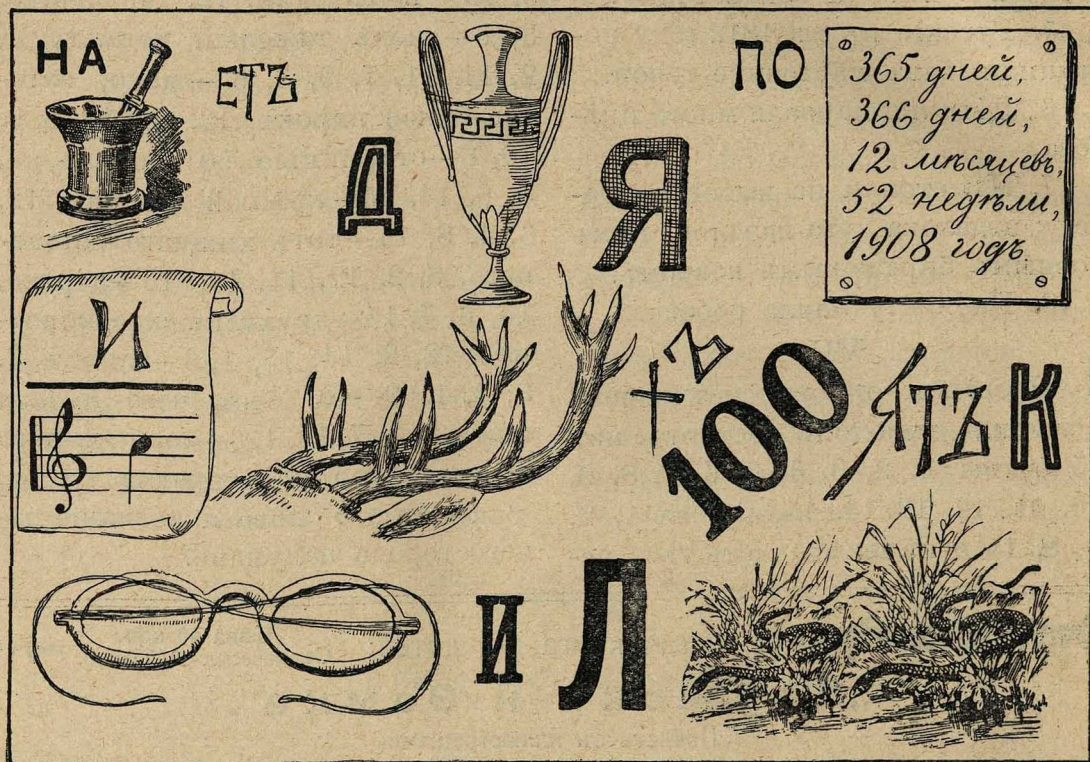
*Вѣрные рѣшнія ребусовъ и головоломокъ при-
слали:* Боби Уточкинъ и Вова Виноградовъ изъ
Никольска-Уссурійска, Шура Николаевъ изъ
Валка, Юрій Робертовичъ, Володя и Боря Ни-
колаевы, Н. С. Орловскій, Конрадъ, Брониславъ
и Золотая рыбка, Пана Губницинъ изъ Вятки,
Коля и Сережа Павловы изъ Харькова, Всево-
лодь Твердый изъ Севастополя, Игорь Мясни-
ковъ, Катя Попова изъ Варшавы, Валя Апо-
шанскій, Соня Хилькевичъ, Женя, Вѣра и Яша
Обуховскіе изъ Ялты, Валя Фигурская изъ
Теплика, Валя, Коля и Кируса Симаковы. Люд-
я Владыкина изъ Балакова, Маруся, Леля и Лида
Симагины изъ Ромоданова, Серафимъ и Клавдія
Важинскіе, Вася Лукьяновъ изъ Евпаторіи,
Музя Смирнова изъ Калуги, Петя Васильевъ
изъ Екатеринодара, Варя Земляничина, Нина
Нѣтухина изъ Ржева, Серафимъ Важинскій,
Тамара и Костя Шидловскіе изъ Харькова,
Жора, Маруся, Ляля и Лида Симагины, Коля
Лобачевскій изъ Колокъ, Митя Юрьевъ въ Спб.,
Н. Орловскій со ст. Сѣверской, Уч. Б. Р. У.

Татевосьянъ, Вася Лукьяновъ изъ Евпаторіи
Ирочка Авдіева, Сережа Тупканчикъ, Оля
Павлова изъ Харькова, Володя и Муся Визи,
Женя Стрекоза, Андрюша Гершунъ, Галя и
Жоржъ Ротмистровы изъ Житомира, Володя
Эгельштейнъ изъ Кишинева, Конрадъ, Брон-
славъ и «Золотая Рыбка», изъ Чернаго моря,
Музя Смирнова изъ Калуги, Галя и Адельфій
Наумовы изъ Сѣдлеца, Сема Туршу, Галя Ру-
сидовичъ изъ Ковея, Кто-то безъ подписи, еще
кто-то безъ подписи на клетчатой бумагѣ,
Андрюша Федотовъ—донской казачекъ и его
тетя—Таня Волкова, Федя Тулиновъ изъ Ефре-
мова, Люся Ковальковская изъ Слободскаго,
Гени и Лилли Лисицны—изъ Дрездена (Гер-
манія), Сима К., Шурикъ и Людочка Лѣсковы,
Женя Радинъ, Аля Хатовъ изъ Луги, Валя Фи-
гурская, А. Викуловъ, Коля и Сережа Павловы
изъ Харькова, Шурикъ Остенъ изъ Поневѣжа,
З. Рисманъ, Володя Германъ, Варя Земляни-
чина, Павликъ и Шура Соловьевы, Нюся, Женя
и Геня Подопригора.

Ребусъ № 20.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Лучшій подарокъ для дѣтей:

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ — по 45 коп. за экземпляръ).

Высылается наложеннымъ платежомъ.

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ
ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 22.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга.

Годъ изданія пятый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на

художественно-литературный журналъ

ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

При каждомъ номерѣ приложения: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлечения проч. и проч.).

12 ВЫРѢЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

Книгу „ВЪ УЮТНОМЪ УГОЛКЪ“ (отдѣльными листами).

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается для иногороднихъ подписчиковъ въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 22 и для городскихъ подписчиковъ въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга. Перемѣна адреса—28 коп. почтовыми марками.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

Книга съ раскрашенными картинками
„СЪДАЯ СТАРИНА“

(Легенды о быломъ).

Соч. А. Гербертсонъ.

Рисунки Елены Страттонъ.

Цѣна 60 коп. съ пересылкой

Высылается по первому требованію
изъ редакціи „Золотое Дѣтство“
С.-Петербургъ, Каменноостровский пр., 22.